

**ПОСЛАНИЕ Г-НУ ДЕ Л'ЭТАН
ВИКАРИЮ МАРКУССИ**

Судьбе завистливой назло,
Нам наконец-то повезло:
Мы едем к вам, в приют веселый,
Мы едем к вам, в леса и доли,
Чтоб там, мой дорогой аббат,
Найти покой, душевный лад,
Найти от тайной скуки средство,
Бежать от страшного соседства,
Которым нас дарит Париж,
От грохота и гама — в тишь.
Париж — надменности обитель,
Где подпадает каждый житель
Под власть мошенников таких,
Что Франция боится их;
Где честность — лишь предмет издевки,
Где шарлатанские уловки,
Высокомерье, наглый тон
Талант несмелый гонят вон,
Тираня пасынков фортуны.
Париж, где автор «Родогюны»
Сгибал перед Шапленом стан *,
Где худшую из обезьян
Любовь дарит венцом героя,
Где шавке суждено порою
Политиком известным стать,
Где фата пошлого печать —
Судейскому юнцу под стать,
Парик — его заслуг замена.

Париж, где паразит презренный
Продаст научной мысли цвет
У Фрин, Аспазий — за обед!
Париж! Несчастлив, кто над Сеной
Жить осужден. Несчастней всех,
Кто добровольно, как на грех,
Избрал тебя, — не край достойный,
Где климат более спокойный,
Заботам недоступный край,
Как Маркусси, ваш светлый рай.
Но пусть душе он всех дороже,
Его покинете вы все же,
Сомненьям разным вопреки,
И не повеситесь с тоски!
Итак, мой дорогой викарий,
Мечтаем мы о лучшем даре
Гостеприимства, что найдем,
Войдя в любезный сердцу дом,
Где мы, приязнью к вам влекомы,
Мир обретем, давно знакомый, —
Селян и домочадцев круг.
Его глава — наш добрый друг.
И мы хотим, коль то возможно,
Чтоб, недоступный дружбе ложной,
Он не лишал нас нежных прав
На свой досуг и милый нрав.
Чтоб внял молениям нашим слезным
И вход закрыл гостям несносным:
Молчальникам, говорунам,
Зловредным сплетникам, врунам, —
Всем проходимцам без изъятья,
Глупцам из той парижской братьи
Неутомимых остряков,
Что для богатых дураков
Открыли бреднями торговлю.
Мы просим не пускать под кровлю
Льстецов, что здравый смысл хулят,
Чей фимиам для сердца яд,
А также щеголей безвкусных,
Дворян, из самых захолустных,
Что предков чтят и, как они,
Ничтожны сами в наши дни.
Не звать к себе ханжей-ворчуний,
Визгливых, сморщенных вещуний,
Завистливых к дарам чужим,
К соблазнам, что закрыты им.

Они чернят нас — из усердья,
Клевещут — лишь из милосердья
И вынужденной чистотой
Являют образец святой.
Не звать ни крезов, ни каналов,
Особенно же тех ракалий,
Что корчат из себя вельмож,
Бессовестных и наглых рож,
Гогочущих над братьей серой,
Над добродетелью и верой,
Умеющих хватать, сдирать
И не давать, а только брать.
Не звать и тех, чей тон учтивый,
Столь хитрый, вкрадчивый и льстивый, —
Род ловко сделанных силков
Для лежковерных простаков.
Не звать и хвастунов военных,
Таких спесивых и надменных,
Что дурнями руководят,
На ближних сверху вниз глядят, —
Лихих рубак и фанфаронов
Создателей своих законов,
Всегда готовых бить, стрелять,
Свое занятие восхвалять,
К тому ж педантов самых вздорных,
Что хуже спорщиков упорных.
Гоните этих сухарей!
Зато зовите поскорей,
Коль жребий выпадет счастливый
И попадется не хвастливый,
Учтивостью подобный вам,
Что с шутниками шутит сам,
А с умным славно рассуждает,
Такой, что чванством не страдает,
Острот пустых завзятых враг,
Хотя он вовсе не дурак,
Тот, кто учен не для парада
И чья душа, веселью рада,
Смеется, только не со зла,
Но оттого, что весела.
Пускай придет, кто прямодушен,
Кто не суров и не бездушен,
Кто, забывая о себе,
Печется о чужой судьбе,
Чей аппетит, любезность нрава, —
К столу приятная приправа,

Кто восхищением смущен,
А невниманьем — огорчен,
Кто, всюду и везде на месте,
Озорничает с нами вместе,
Кто не таит в остротах яд,
Не злится, коль над ним острят.
Друг наслаждений — не распутства,
Друг широты — не безрассудства,
Ум не пропьет он сгоряча,
Не философствует сплеча.
Ну, словом, если б уродился
Такой, чтоб нам в друзья годился,
А мы — ему в друзья как раз,
То слезно умоляю вас —
Немедленно его найдите
И в наше общество введите!
Желаньем я горю одним, —
Любить его, быть вместе с ним!
Таков мой долг. А ваш, не скрою, —
Представить нам сего героя,
Лишь изучив со всех сторон...
Я кончил. Но... найдется ль он?

Стр. 312. *Своих печалей Бланш еще не исчерпала.*— Имеется в виду трагедия Борда «Бланш Бурбонская», которую он отказывался поставить на сцене.

ПОСЛАНИЕ Г-НУ ПАРИЗО

П а р и з о — лионский хирург, приятель Руссо, по его словам, «лучший и самый благодетельный из людей». «Послание» было написано во время пребывания Руссо в Лионе в 1741 г., закончено в 1742 г. Впервые напечатано в 1776 г. в VIII томе брюссельского Собрания сочинений Руссо (1774—1783).

Стр. 315. *...заботам матери...*— Имеется в виду г-жа де Варанс (см. «Исповедь»).

Стр. 317. *Меня дивил пример Зенона, Эпиктета.*— Зенон — греческий философ (336—264 до н. э.). Один из основателей стоицизма. *Эпиктет* — см. примечание к стр. 309.

ПОСЛАНИЕ Г-НУ ДЕ Л'ЭТАН, ВИКАРИЮ МАРКУССИ

Предположительная дата написания 1749 г. В «Исповеди» по этому поводу он рассказывает: «Не раз проводил я по нескольку дней в Маркусси, где у г-жи Левассер был знакомый викарий... После одного из этих маленьких путешествий... я написал викарию, очень быстро и очень плохо, послание в стихах, которое найдут среди моих бумаг».

В «Послании» к г-ну де л'Этан, где отразился горький парижский опыт Руссо, начинают звучать мотивы, предвещающие критику цивилизации в «Рассуждениях о науках и искусствах» и других зрелых произведениях Руссо. «Послание» было напечатано впервые в 1752 г.

Стр. 321. *Париж, где автор Родогюны сгибал перед Шапленом стан...*— Автор *Родогюны* — выдающийся французский драматург Пьер Корнель (1606—1684). *Шаплен* (1595—1674) — французский поэт, член Академии, один из составителей, по указанию кардинала Ришелье, отрицательного отзыва о трагедии Корнеля «Сид».

АЛЛЕЯ СИЛЬВИИ

Написана в 1747 г. в Шенонсо, замке, расположенном на берегу реки Шер в Турени, принадлежавшем главному откупщику Дюпену. Заголовок стихотворения дан по названию одной из аллей парка, тянувшегося вдоль берега реки, излюбленного места прогулок Руссо.

Напечатана «Аллея Сильвии» в 1750 г. в сентябрьском номере «Французского Меркурия». На русском языке публикуется впервые.